

Мирошник Анастасия Сергеевна

студент
Донской государственный
технический университет
Ростов-на-Дону, Россия

Подопригора Алексей Алексеевич

доцент кафедры «Уголовное право и
публично правовые дисциплины»
Донской государственный
технический университет
Ростов-на-Дону, Россия

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ЗАРУБЕЖНЫЙ
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИИ****Аннотация**

Исследуется проблематика введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена неэффективностью существующих мер административного воздействия в сфере корпоративной преступности, а также необходимостью гармонизации российского законодательства с международными стандартами. Выявлены ключевые конституционные и правоприменительные барьеры внедрения данного института в России, включая риски использования нормы как инструмента давления на бизнес. Предлагается концепция гибридной модели уголовной ответственности юридических лиц, предусматривающую введение понятия «организационного дефекта», закрепление комплаенса как основания для освобождения от ответственности и разработку отечественного аналога процедуры.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридические лица, корпоративная преступность

Классическая теория уголовного права исторически базировалась на антропоцентричном подходе, согласно которому субъектом преступления может выступать исключительно физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Данная концепция нашла свое закрепление в отечественном законодательстве, где уголовная ответственность неразрывно связана с принципом личной вины, зафиксированным в статье 49 Конституции Российской Федерации. Однако стремительная трансформация экономических отношений в условиях глобализации привела к тому, что наиболее общественно опасные деяния все чаще совершаются в рамках сложнопостроенных корпоративных структур, где воля отдельного исполнителя растворяется в коллективном решении органа управления.

Существующий механизм привлечения к ответственности посредством административных штрафов демонстрирует свою недостаточную эффективность в противодействии корпоративной преступности. Для крупных хозяйствующих субъектов финансовые санкции нередко воспринимаются как планируемые издержки

ведения бизнеса, что не стимулирует создание действенных систем внутреннего контроля. Отсутствие реальных рычагов воздействия на юридическое лицо как на самостоятельного субъекта правоотношений создает условия для безнаказанности бенефициаров, использующих корпоративную вуаль для сокрытия преступных доходов и легализации средств, полученных преступным путем.

Актуальность исследования обусловлена также необходимостью имплементации международных стандартов в национальную правовую систему. Российская Федерация, являясь участником ключевых международных конвенций и членом профильных организаций, сталкивается с требованием внедрения эффективных мер ответственности юридических лиц за коррупционные и экономические правонарушения. Игнорирование данных обязательств не только ограничивает возможности международного правового сотрудничества, но и формирует негативный инвестиционный климат, поскольку отсутствие прозрачных механизмов корпоративной ответственности снижает уровень доверия со стороны иностранных контрагентов.

Вместе с тем внедрение института уголовной ответственности юридических лиц в России сопряжено с серьезными доктринальными и практическими коллизиями. Ключевым препятствием остается необходимость гармонизации новой конструкции с конституционными гарантиями прав человека и фундаментальными принципами уголовного права.

В связи с изложенным целью настоящей работы является комплексный анализ зарубежного опыта регулирования ответственности юридических лиц и выявление перспектив его адаптации в российской правовой действительности.

Сравнительно-правовой анализ институтов ответственности юридических лиц в зарубежных правовых системах позволяет выявить две фундаментально различные концептуальные модели, обусловленные принадлежностью к соответствующим правовым семьям. Первая, характерная для стран англосаксонской системы права, базируется на принципах викариальной ответственности и широкой дискреции обвинительных органов. Вторая, развивающаяся в рамках континентальной системы, стремится адаптировать традиционные догмы уголовного права к реалиям корпоративных отношений через конструкцию организационной вины. Понимание специфики каждого подхода критически важно для оценки потенциальных рисков и преимуществ их имплементации в национальную правовую систему.

В правовом порядке Соединенных Штатов Америки доминирующим подходом выступает доктрина, согласно которой корпорация несет ответственность за противоправные действия своих сотрудников, совершённые в пределах их полномочий и в интересах компании. Данная конструкция фактически презюмирует вину юридического лица при доказанности факта преступления физическим лицом, выступающим его агентом. Субъективная сторона преступления менеджмента или рядовых работников вменяется самой организации, что создает режим строгой ответственности. Такой подход обусловлен прагматичной целью максимального устрашения и возложения издержек правосудия на экономически устойчивого субъекта. Однако жесткость данной модели смягчается развитой системой процессуальных соглашений, среди которых ключевое место занимают соглашения об отсроченном судебном преследовании.

Институт Deferred Prosecution Agreement (далее по тексту DPA) в США и Великобритании представляет собой квазидоговорную конструкцию между прокуратурой и юридическим лицом. Суть механизма заключается в том, что обвинение приостанавливает уголовное преследование при условии выполнения компанией ряда обязательств, включая уплату штрафа, сотрудничество со следствием и внедрение эффективных программ комплаенса.

В континентальной Европе эволюция шла по пути преодоления догмы через введение ответственности за дефект организации. Во Франции реформа ввела режим ответственности юридических лиц за коррупционные преступления, но при этом создала аналог DPA. Ключевым отличием французской модели является акцент на вине самой организации, выраженной в недостаточности механизмов контроля и управления. Ответственность наступает не автоматически за действия сотрудника, а вследствие доказанного сбоя в системе корпоративного управления. Это позволяет сохранить связь с принципом вины, трактуя ее как неосторожность в организации бизнес-процессов.

Испанское законодательство, в частности статья 31 Уголовного кодекса, демонстрирует схожий подход, четко разграничивая ответственность за преступления, совершенные представителями органа управления, и преступления, возникшие вследствие недостаточного контроля за деятельностью сотрудников. В последнем случае юридическое лицо может быть освобождено от ответственности, если до

совершения преступления были внедрены и эффективно реализованы модели организации и управления, направленные на предотвращение правонарушений.

Сопоставление рассмотренных моделей выявляет существенное различие в методологии вменения ответственности. Англосаксонская модель исходит из отождествления действий агента с действиями принципала, что упрощает доказывание, но создает риски избыточного давления на бизнес. Континентальная модель требует установления причинно-следственной связи между преступлением и организационными недостатками, что усложняет процесс доказывания, но лучше соотносится с принципами справедливости и индивидуализации ответственности. При этом обе системы сходятся в вопросе процессуального урегулирования, признавая эффективность внесудебных механизмов разрешения конфликтов при условии соблюдения прав потерпевших и интересов общества.

Важным аспектом зарубежного опыта является дифференциация наказаний в зависимости от размера бизнеса и тяжести последствий. В США и Франции штрафы для юридических лиц могут достигать эквивалента нескольких годовых оборотов компании, что делает угрозу реальной экономической санкцией. Одновременно с этим законодательство предусматривает такие меры, как принудительная ликвидация, запрет на осуществление определенных видов деятельности или участие в государственных закупках. Комплексность мер воздействия направлена на то, чтобы лишить компанию возможности извлекать прибыль из противоправного поведения, трансформируя корпоративную культуру изнутри через экономические стимулы.

Имплантация института уголовной ответственности юридических лиц в российскую правовую систему сталкивается с комплексом фундаментальных препятствий доктринального, конституционного и правоприменительного характера. Ключевым барьером выступает необходимость согласования данной конструкции с базовыми принципами отечественного уголовного права, среди которых центральное место занимает принцип личной вины, закрепленный в статье 5 Уголовного кодекса Российской Федерации и коррелирующий с положениями статьи 49 Конституции Российской Федерации. Традиционная догматика российского уголовного права исходит из антропоморфной природы преступления, предполагая, что виновным может быть признано лишь физическое лицо, обладающее способностью осознавать фактический характер своих действий и руководить ими. Вменение вины искусственному образованию, лишенному психического аппарата, требует либо

радикального пересмотра категории вины, либо разработки автономной конструкции ответственности, что порождает серьезные теоретические коллизии.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно подчеркивал, что презумпция невиновности и требование индивидуализации ответственности являются неотъемлемыми элементами правового статуса личности. Введение ответственности юридических лиц без четкого определения субъективной стороны преступления может быть истолковано как нарушение конституционных гарантий, поскольку компания не обладает сознанием и волей в психологическом смысле. Попытки обойти данное ограничение через конструкцию «организационной вины» или «дефекта управления» требуют тщательной законодательной проработки, чтобы избежать размывания стандартов доказывания.

Помимо доктринальных сложностей, существенную угрозу представляют риски инструментализации новой уголовно-правовой нормы в целях недобросовестной конкуренции и оказания давления на бизнес. Правоприменительная практика в сфере экономических преступлений в России исторически характеризуется высоким уровнем дискреционных полномочий следственных органов и сложностями с обеспечением независимости судебного контроля на досудебных стадиях. Наделение следователей возможностью возбуждать уголовные дела в отношении юридических лиц, арестовывать их счета и парализовать операционную деятельность до вынесения приговора, может создать коррупциогенный механизм, используемый для рейдерских захватов или принуждения к перераспределению активов.

Особую озабоченность вызывает вопрос соразмерности наказаний и их экономических последствий. Применение таких мер, как принудительная ликвидация или запрет на осуществление деятельности, в отношении крупных предприятий, имеющих значительное социальное значение, может повлечь массовые увольнения и дестабилизацию региональных рынков труда. В этой связи возникает дилемма между необходимостью обеспечения неотвратимости ответственности и предотвращением коллапса экономически значимых субъектов.

На основе проведенного анализа доктринальных противоречий и зарубежного практического опыта представляется возможным сформулировать концептуальную модель внедрения ответственности юридических лиц в российское правовое поле, которая бы балансировала между эффективностью борьбы с преступностью и

соблюдением конституционных гарантий. Ключевым элементом данной модели должно стать законодательное закрепление самостоятельного вида вины, специфичной для коллективных субъектов, что позволит преодолеть барьер статьи 5 Уголовного кодекса Российской Федерации. Речь идет не о психологическом отношении к деянию, свойственном физическому лицу, а о нормативно закрепленной категории организационной вины, выражающейся в дефекте системы управления, контроля и предотвращения правонарушений внутри корпорации.

В материально-правовом аспекте предлагается ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации специальную норму, устанавливающую основания ответственности организации за преступления, совершенные в ее интересах сотрудниками или органами управления. Субъективная сторона в данном составе должна конструироваться через презумпцию недостаточности мер контроля, которую юридическое лицо вправе опровергнуть. Критически важным элементом здесь выступает закрепление эффективной системы комплаенса как безусловного основания для освобождения от уголовной ответственности. Законодатель должен четко определить критерии эффективности такой системы, включив в них не только формальное наличие локальных актов, но и реальность их исполнения, регулярность мониторинга, наличие каналов для анонимных сообщений и дисциплинарную практику за нарушения. Это сместит фокус внимания с карательного преследования на превенцию, стимулируя бизнес к самостоятельному выявлению и устранению рисков.

Процессуальная реализация данной концепции требует разработки специального механизма урегулирования, аналогичного институту отсроченного судебного преследования, но адаптированного к российской системе уголовного судопроизводства. Целесообразно ввести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации главу, регламентирующую порядок заключения соглашения о мерах принудительного характера с юридическим лицом. Суть процедуры должна заключаться в возможности приостановления уголовного преследования при условии признания организацией факта нарушений, возмещения ущерба, выплаты штрафа и внедрения программы исправления под судебным контролем.

Важным аспектом предлагаемой модели является дифференциация мер уголовно-правового характера в зависимости от категории бизнеса и тяжести последствий. Для субъектов малого и среднего предпринимательства приоритет

должен отдаваться мерам воспитательного и восстановительного характера, тогда как для крупных корпораций, особенно участвующих в государственных закупках или работающих в стратегических отраслях, применимы более жесткие санкции, включая запрет на осуществление определенных видов деятельности. Штрафные санкции должны быть экономически ощутимыми, рассчитываемыми не как фиксированная сумма, а как кратность к сумме незаконного обогащения или объему ущерба, чтобы исключить восприятие наказания как коммерческих издержек.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что введение уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации представляет собой объективный императив развития уголовно-правовой политики, обусловленный глобализацией экономических связей и трансформацией корпоративной преступности. Ключевым условием успешной имплементации данного института является разработка оригинальной гибридной модели, сочетающей доктринальную трансформацию категории вины в конструкцию организационного дефекта с усиленными процессуальными гарантиями. Такой подход позволяет преодолеть конституционный барьер статьи 49 Конституции Российской Федерации, не нарушая принципа виновной ответственности, и сместить фокус правового воздействия с карательного преследования на оценку качества корпоративного управления.

Процессуальное наполнение новой модели должно базироваться на внедрении аналога процедуры отсроченного судебного преследования, создающего баланс между публичными интересами государства и защитой добросовестного бизнеса. Закрепление эффективного комплаенса как основания для освобождения от ответственности стимулирует компании к превентивному выявлению правовых рисков, трансформируя уголовный закон в механизм поощрения законопослушного поведения. Вместе с тем эффективность института напрямую зависит от системы сдержек и противовесов, предотвращающих его инструментализацию в целях недобросовестной конкуренции. Реализация предложенной концепции способна стать катализатором формирования прозрачной корпоративной культуры, интегрированной в международное правовое пространство, при условии безусловного соблюдения конституционных ценностей и гарантий экономической безопасности.

Список использованных источников

1. Егорова, Е. В. Доказательства и доказывание в судебной практике по уголовным делам / Е. В. Егорова, Д. А. Бурыка. — 3-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 315 с.
2. В. В. Кулакова Юридические лица / под общей редакцией В. В. Кулакова. — М.: Юрайт, 2025. — 372 с.
3. Карнушин, В. Е. Защита имущественных прав физических и юридических лиц в уголовном процессе / В. Е. Карнушин. — М.: Юрайт, 2026. — 80 с.
4. Кожевников, О. А. Юридические лица. Правовое положение некоммерческих организаций в России / О. А. Кожевников, А. В. Нечкин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2026. — 135 с.
5. Содиков, Ш. Д. Дипломатическая защита граждан и юридических лиц / Ш. Д. Содиков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2026. — 136 с.